

„посылки“, вполне соответствует действительному состоянию судопроизводства XVII в. Несмотря на то, что вызов в суд был тщательно разработан Судебниками и Уложением 1649 г., на практике именно в этой области судопроизводства было более всего злоупотреблений. Даже само законодательство в 1628 г.¹ вынуждено было признать, что законный порядок вызова в суд совершенно не соблюдается. Так, ответчики жаловались на истцов, что последние, затягивая срок суда, хотят их „изубыточить“, „распродать“ „проестями и волокитами“; истцы, в свою очередь, жаловались, что ответчики, не дождавшись суда, „съезжают с Москвы“. Злоупотребления „недельщиков“, их самоуправство и „лихимство“ отмечаются уже Судебником 1550 г.: за „взятие посулов“ „недельщик“ подвергался „торговой казни“, штрафу в размере утроенного посула и затем исключался из „недельщиков“.² „А будет которой недельщик норовя кому по посулом, или по дружбе, истцов с ответчики к суду вскоре ставити не учнет, или сверх указу возмет лишнее хоженое, и в том на него будут челобитчики, и сыщется про то допряма: и тому недельщику за то учинити наказание, бити батоги нещадно, а лишнее хоженое велети на нем доправити и отдати челобитчику. А будет он так сворует въдругие или вътретьи, и его бити кнутом и из недельщиков выкинуть“, — также говорит Уложение.³ Если верить Флетчеру, то приставы, желая „вынудить взятку“, заковывали своих подсудимых в „кандалы“, хотя бы иск и не превышал „6 копеек“. Неудивительно поэтому, что истцы, опасаясь вымогательства приставов и недельщиков, иногда собственноручно „приволакивали“ ответчиков к суду.⁴

Судопроизводство в „Шемякином суде“ также дает нам косвенное указание, что автор повести имеет в виду местный суд: суд начинается здесь немедленно при первой же явке ответчика и истца к судье, между тем как судебному разбирательству в московских приказах всегда предшествовало составление „приставной памяти“, на основании которой „недельщик“ вызывал затем ответчика на суд.

Итак, упоминание в „Шемякином суде“ о „приставах“ и „езде“ позволяет нам заключить, принимая во внимание другие указания текста, что повесть рассказывает о суде местном, областном, а не Московских приказов.

„После же суда изыдоша исцы со ответчиком
из приказу“

Слово „приказ“, в смысле учреждения, в первый раз встречается в 1512 г. в грамоте великого князя Василия Ивановича Владимировскому Успенскому монастырю.⁵ В Судебнике 1550 г. находим уже такое поста-

¹ Дополнительные статьи к Судебнику, ст. 3.

² Судебник 1550 г., ст. 32.

³ Уложение, гл. X, ст. 146.

⁴ Доп. к Акт. ист., т. I, № 51, V и IX.

⁵ Акты Арх. эксп., т. I, № 155.